

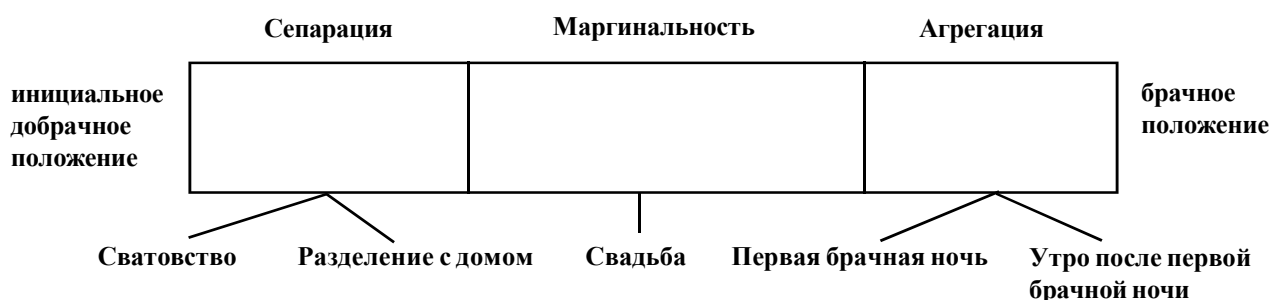
АНАЛИЗ БЕЛОРУССКОЙ И МАКЕДОНСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В РАМКАХ КОММУНИКАЦИОННОЙ ТРИАДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВАН ГЕННЕПА

Причиной исследования такого типа является тот факт, что существует много неизвестного в народных культурах славян, обусловленного наличием локальных этнологических исследований, которые остаются недоступными для широкой научной общественности.

В этой области чувствуется нехватка этнографического материала для сравнения общих и частных составляющих в ритуалах и обрядах.

Предметом исследования является белорусская свадебная обрядность, рассматриваемая как переходная в триадической структуре. Она представлена в трех коммуникационных структурах: *сепарация, маргинальность и агрегация*¹.

Для лучшего понимания сути триадической коммуникационной структуры, предложенной Ван Геннепом, кажется полезным приведение таблицы Ивана Ковачевича², где будут отражены все ее основные компоненты:

А теперь остановимся подробнее на основных элементах структуры Ван Геннепа, применительно белорусской и македонской свадебной обрядности.

Целью работы является выделение элементов, которые прямо можно сравнивать со свадебными обрядами у македонцев, а также указание локальных характеристик белорусской свадьбы, которые определяют ее особое место в возможной классификации свадебных обычаев.

В первой коммуникационной структуре – СЕПАРАЦИИ – мы можем отметить большое число обрядов, связанных с периодом разделения молодых с родительским домом.

Обряды начинаются с так называемого *СВАТАННЯ*, что соответствует “ходу стройников” на свадьбе у македонцев.

Когда приходило время женитьбы, родители парня посылали сватов. Функция сватов добиться согласия на свадьбу двух семей, в которых есть молодые, достигшие брачного возраста. Деятельность сватов проходит несколько фаз, в соответствии с верованиями в магические свойства числа 3.

Сваты повторяют одни и те же обряды по три раза, вплоть до успешного завершения своей миссии.

Обычно у сваты отправляли женатых мужчин (а у македонцев и – замужних женщин), поскольку к ним относились с большим уважением. Сватом мог быть кто-то из близких родственников или соседей, умеющий красиво говорить и представлять в лучшем свете молодого человека. От него в данный момент зависело все. Говорили: “*От него зависит веселье на свадьбе*”³.

Также большое внимание уделялось выбору дня сватанья. В Белоруссии сваты ходили во вторник, четверг, субботу или по каким-то праздником. У Мияков⁴ (в Македонии) сваты не ходили по вторникам, пятницам и субботам. Вторник по народным поверьям считался одним из самых счастливых дней недели, но в нем был один “плохой час” и никто не знал, когда он наступает. Пятница – праздник Святой Параскеви, а суббота – день мертвых. В сваты отправлялись по понедельникам, средам, воскресениям (обычно весной или летом), что связано с появлением молодой луны – “новина”⁵.

Об их посещении договаривались, если молодые были из одной деревни, а в противном случае сваты являлись неожиданными гостями. В первом случае родители невесты могли заранее подготовиться, а в другом – встречу импровизировали, при чем старались, чтобы все проходило по традиционным канонам.

Иногда родители посылали кого-либо, чтобы узнать какое имущественное положение родителей девушки, которая им понравилась. Это момент первой коммуникационной структуры. Он известен как *ДАВЕДКИ, СУГЛЯДИ*. Обряд выполняет функцию утверждения ценностей семейства посредством планированной свадьбы. В этом смысле обряд соответствует обряду *ОГЛЕДИ* на свадьбе у македонцев.

В разговоре со сватами девушка не участвовала. Она была где-то в доме или у какой-нибудь подруги. В случае необходимости ее вызывали. Это является свидетельством отсутствия права выбора своего брачного друга. От нее (в случае согласия родителей) требовалось только формальное подтверждение.

У мяжков сват старался незаметно войти в дом и помешать угли в очаге. Верили, что так он “*крутит умом*” родителей и легче сможет получить их согласие на свадьбу (у мяжков известно как “*лаф*”).

В тот же день договаривались о свадьбе и о приданом девушки. На прощанье мать девушки давала сватам водку и каравай. В случае изменения решения каравай обязательно возвращался, так как с ним была связана судьба девушки.

В свою очередь родители девушки посылали кого-то для осмотра хозяйства родителей парня (*агледзіні*) и только потом решали, будут ли продолжены переговоры о заключении брака. Дальнейшие обряды продолжаются через т.н. *запоины* (“*мала рока*” у мяжков), когда официально сообщается решение о проведении свадьбы и т.н. *заручины* (“*голема рока*”), когда это решение обнародуется перед широкой сельской общиной.

Чтобы избежать больших расходов у мяжков бедные семьи соединяют “*малую*” и “*большую руку*” и празднуют их в один день.

В это время уже ни парень, ни девушка не могли отказаться от брака, чтобы не унижить другую сторону.

Следующим важным обрядом является т.н. каравай, когда посредством семиотики ритуалов с караваем в доме юноши и девушки выделяются несколько элементов: культ родового сообщества, отдельные магические обряды плодности и благополучия, обряды определяющие статус мужа и жены в сообществе, акт соединения двух семейств, обряд проверки чести девушки и т.д.

Н.Сумцов присутствие караваея связывает с появлением земледельческого труда, когда жертвоприношение животных было заменено жертвоприношением хлеба⁶.

Именно бедные люди в жертву приносили фигуры из теста с изображением какого-то животного. Жертвоприношение хлебом встречается у многих народов индоевропейского происхождения, но ни у одного из них оно не укоренилось так глубоко, как у славян. Хлеб в обрядах используется у украинцев, у русских, сербов, болгар, поляков, чехов и македонцев и встречается с такими названиями⁷: *коровай, каравай, кравай, колач и погача*.

Время и место печения караваея отличается в разных районах. Каравай пекут в доме невесты, в доме жениха, а иногда одновременно в двух домах с большими церемониями и весельем. Пекут до свадьбы, на свадьбе и даже на второй день свадьбы.

В коллективно обрядовом действии приготовления караваея главную роль играют женщины-*каравайницы*. Символическое значение караваея для будущей жизни молодых подтверждает то, что в его приготовлении не участвуют вдовы, бездетные, а у македонцев и сироты. Верили, что то же самое может случиться и с молодыми (вдовство, бездетность и т.д.).

У белорусов особенно интересны обряды с караваем больших размеров и весом от 15 – 20 кг, которые некоторыми элементами напоминают обряды жатвы у балтийских славян в XI и XII веках (в соответствии с опубликованными данными в святилище Световита)⁸.

У мяжков (в Македонии) в каравай⁹ добавляют сахар и серебряные монеты¹⁰. Сахар – для того, чтобы молодые были “*сладкими*”, т.е. чтобы они любили друг друга в своей будущей совместной жизни. Серебряные монеты добавлялись в каравай на счастье, а также для того, чтобы молодые вместе состарились и поседели, как эти монеты.

Обряды, являющиеся частью этой системы, продолжают через “*суборную субботу*” и “*насад*”. В этой части обрядов проводятся отдельные сборища мужских дружин в доме юноши и женских дружин в доме девушки. Проводимые обряды являются последней фазой и определенным переходом, который связывает структуры сепарации и маргинальности. Сюда входит плетение венка для будущей невесты, что сопровождается грустными лирическими народными песнями семейного цикла, в которых речь идет о разлуке девушки с родительским домом.

По содержанию и эффектам, которые они вызывают, эти обряды похожи на обряд “*заплачување на невестата*” в западной Македонии.

Действие обряда “*насад*” происходит на медвежьей шкуре¹¹, что является пережитком культа медведя и тесно связано с обрядами плодности. В обряд “*насад*” включается инициальное подстрижение жениха, которое напоминает обрядное бритье молодого на свадьбе у македонцев. Этим обычаем подчеркивается инициация, т.е. переход от юности к зрелости. То же самое происходит и у невесты: расчесывание волос невесты и покрытие ее головы платком, что свидетельствует о ее новом статусе.

Такие же пережитки от времени язычества в Македонии задержались больше всего именно в свадебных обычаях.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ означает структуру лиминальности: период, когда молодые имеют неопределенный статус – между прежним состоянием молодых без брачных обязанностей и будущим состоянием молодых в брачной общности.

Именно это – центральная часть свадебного обряда, которая вбирает в себя все вплоть до соединения молодых в первую брачную ночь.

Свадьба является семейным и коллективным праздником, и все ее обряды реализуются в этом направлении. Здесь можно заметить пережитки народного свадебного обряда, который предшествовал церковному браку, а также и элементы нерегулярного заключения брака путем хищения невесты.

Все эти элементы в современной белорусской свадьбе получили форму простого народного театра, в которой присутствует ряд эротических элементов, происходящих от прежней коллективной магии плодородия.

Для защиты молодых от злых сил характерно наличие определенных табу; например: при встрече двух свадебных повозок невест накрывали чем-то из одежды, так как существовал запрет на обозрение невест друг другом, ибо одной из них это могло принести смерть¹².

Существовало табу на использование одной и той же дороги в обоих направлениях, “чтобы злые силы не пошли по следам молодых и не повредили им”. Молодую к молодому везли на лошади или повозке, ей запрещено было наступать на “голую землю”, так как снизу, от земли в нее могли войти злые силы. Падение невесты с лошади считалось признаком смерти одного из брачующихся.

У белорусов, чтобы отпугнуть злых сил, в дом молодого отправлялись ночью с большим шумом по нехоженой дороге. В местах, где перекрещивались дороги, было принято бросать пояса, хлеб и т.д., тем самым платя какую-то дань злым силам. Встречающихся людей наделяли водкой, чтобы те отступили дорогу свадьбы. По дороге свадебный поезд должен был преодолевать барьеры, платить выкупы. Верили, что большое количество таких преград увеличивали будущее счастье молодых. Отсутствие барьеров считалось плохим признаком¹³.

Здесь же можно констатировать наличие целой цепи элементов имитативной, гомеопатической и лустративной магии. В этом смысле можно говорить о множественности поверий в сглаз и о соответствующих способах защиты от него.

Так, верили, что невеста обладает сверхъестественными свойствами и может принести добро всему, к чему прикоснется.

В маргинальности выделяют свадьбы в доме жениха и в доме невесты.

Кульминацией является акт соединения молодых (*злучэнне молодых*).

Все предшествующие готовило жениха и невесту к этому: молодые обнимались, держались за руки, их связывали друг с другом прядями волос и т.д. Целью обряда было соединение не только самых молодых, но и соединение их домов (невесту с домом жениха и святыми местами этого дома: порогом, очагом и т.д.). У македонцев молодые должны были, есть с одной тарелки. Имел место и ритуал “кормления невесты свекровью”.

Третьей частью триадической коммуникационной структуры является **АГРЕГАЦИЯ** или включение молодых в сельскую общину, с приобретением нового статуса. С этого момента все поступки молодых оцениваются сельской общиной.

Особенно пристальное внимание вызывает “честь девушки”. Именно от этого зависит ее признание в коллективе. Частью обряда являлось заплетение волос невесты и покрытие ее головы чепчиком – головной убор, которое она будет носить в течение своей жизни, как символ ее нового статуса – замужней жены.

Молодой проверялся шутивным обрядом: ему показывали “ложную невесту”. Среди присутствующих девушек он должен был отыскать свою будущую жену. Это отголосок древних обычаев, когда молодой мог увидеть свою жену только во время совершения обряда.

Заключительным этапом свадебной церемонии было хождение невесты по воду и поливание ею свекрови, свекра и других родственников мужа.

Многие обряды носили шуточный характер, особенно проверка хозяйственных способностей молодой жены. Таким образом, через ряд обрядовых действий молодые входили в общину.

Составными частями свадьбы были соответствующие различным ее моментам: песни, игры и танцы.

На примере обряда белорусской свадьбы, рассмотренного в рамках триадической коммуникационной структуры, можно выделить ряд общих черт в свадебных обрядах славян и иных как локальных, так и больших этнических групп.

Белорусская свадебная обрядность по многим элементам сравнима со свадебной обрядностью македонцев и других южных славян. Тем не менее, нужно отметить локальные специфические характеристики белорусской свадьбы, среди которых самым ярким, на наш взгляд, является “*насад*”.

Данное исследование позволяет выделить общее и индивидуальное в свадебных обрядах, обычаях и верованиях разных народов. Это открывает новые возможности компаративных исследований в

етнологии, что помогает типологизировать определенные структуры, встречающиеся в локальных и мировых рамках.

¹Van Gennep A. The rites of Passage, Un. of Chicago, 1960.

²Kovacevic Ivan. Semiologija rituala. – Beograd, 1985.

³Вяселле. Абряд – Мінск, 1978.

⁴Мияци – этническая группа в Реканско-дебарской этнической области в Македонии, которая несмотря на тяжелые условия в XVIII и XIX веках, успела сохранить свои особые этнические характеристики: обычаи, костюм... Самые впечатляющие – свадебные обычаи в деревни Галичник.

⁵Верили, что молодая луна приносит хорошие известия (“добар абер” или “новина”).

⁶Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. – Харьков, 1881.

⁷Там же.

⁸Spiro Kulisic, Porijeklo i znacenje bozicnog obrednog hljeba u Juznih Slavena, Glasnik Zemaljskog muzeja, VIII. – Sarajevo, 1953.

⁹Свакья – название, под которым встречается свадебный хлеб у Мияков в Македонии.

¹⁰Гласник на етнолошкиот музей. – Скопье, 1965.

¹¹Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. – Минск, 1956.

¹²Такое поверье встречается и у албанского населения в Македонии.

¹³Этнографія Беларусі // Беларуска Савецкая энцыклапедыя імя Петруся Броўкі. – Мінск, 1989.

Анатолій МИРОНЧУК

Київ

ПРОГРАМНІ ДОКУМЕНТИ УКРАЇНСЬКИХ АВТОНОМІСТІВ другої половини XVIII століття

В другій половині – наприкінці XVIII ст. завдяки діяльності кращих представників козацько-шляхетських родин почали вироблятися і входити в свідомість українського народу поняття про народність, націю та її права.

Якщо більша частина шляхетської верстви формувала суспільну думку, спрямовану на ідеалізацію і виправдання реакційної і національно-колоніальної політики російського царизму в Україні, і розглядала цю політику як “перетворення всього краю в новий удосконалений вигляд, як найвищу милість і щедроти, які одержують вірогіддані від престолу”¹, то значно менша частина свідомої української знаті таємно знаходилася в опозиції до цієї думки і своєю культурно-просвітницькою діяльністю сприяла поширенню ідеї автономії та незалежності України серед населення краю.

Вона намагалася зберегти українські традиції, пам’ять про історичне коріння, викристалізувала національні та політичні погляди на розвиток державницької ідеї у формі автономізму. Саме вона, можливо, чи не востаннє перед початком бурхливих і трагічних для України і її автономії часів наприкінці XVIII століття висловила свій протест проти денационалізації, підняла свій голос за права та вольності України.

З особливою силою цей голос прозвучав на Лівобережжі, оскільки Гетьманщина була найбільшим за площею і населенням автономним регіоном, де в 1764 році проживало понад 1 млн. чоловік, в той час, як загальна кількість населення імперії складала трохи більше 11 млн. осіб чоловічої статі².

Про палкий патріотизм і самовідданість служіння своєму народу свідчить діяльність членів Новгород-Сіверського патріотичного гуртка, який існував в 1770 – 1790 рр.³

Головним своїм завданням автономісти вважали реалізацію політичної програми Г.Полетики, з якою він виступив в законодавчій комісії зі створення нового Уложення 1767 р.

Повною мірою до програмних документів українського автономізму можна віднести петицію та резолюцію Генеральної ради старшини у Глухові у вересні 1763 року, яка була виключно автономістичною за своєю суттю, оскільки розглядала Гетьманщину як самостійну державу з власними кордонами, урядом, окремою економічною системою та національними особливостями⁴.

Програмним документом Г.Полетики як депутата від Лубенського шляхетства може слугувати його промова на загальних зборах українського шляхетства в Глухові “про покращення стану любої Вітчизни